

ПОЭТИКА СРАВНЕНИЯ В «ЁДДОШТХО» САДРИДДИНА АЙНИ

Нематзода Мукаддас Хабиб, кандидат филологических наук, доцент, декан инженерно-педагогического факультета Джабборрасуловского района ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова»

Аннотация: Статья посвящена анализу поэтики сравнения в автобиографическом произведении Садриддина Айни «Ёддоштхо». Рассматриваются типы сравнений (бытовые, природные, психологические, социальные), их структурные особенности и художественные функции. Выявляется роль сравнений в создании образной системы произведения, характеристике персонажей и отражении культурно-исторического контекста феодальной Бухары. Особое внимание уделяется народно-поэтической основе сравнений и их связи с таджикской фольклорной традицией.

Ключевые слова: Садриддин Айни, поэтика сравнения, художественный троп, образная система, таджикская проза, фольклорная традиция

Abstract: The article analyzes the poetics of comparison in Sadriddin Aini's autobiographical work "Yoddoshtkho". Types of comparisons (everyday, natural, psychological, social), their structural features and artistic functions are examined. The role of comparisons in creating the figurative system of the work, characterizing personages and reflecting the cultural-historical context of feudal Bukhara is revealed. Special attention is paid to the folk-poetic basis of comparisons and their connection with Tajik folklore tradition.

Keywords: Sadriddin Aini, poetics of comparison, artistic trope, figurative system, Tajik prose, folklore tradition

Поэтика сравнения в «Ёддоштхо» С. Айни представляет ключевую составляющую его индивидуального стиля, раскрывающую художественную картину эпохи и авторскую концепцию личности. Сравнение рассматривается на пересечении риторической, стилистической и поэтической традиций, что позволяет провести строгий описательный и интерпретационный анализ [3; 5]. Современная терминология фиксирует многообразие тропов и их дефиниций. Сравнение описывается как базовый троп и структурный приём, взаимодействующий с метафорой, гиперболой, перифразом, что задаёт теоретическую рамку для анализа поэтики сравнения в «Ёддоштхо». Типологический и функциональный подходы акцентируют внимание на

семантических моделях, синтаксических формах и прагматическом эффекте сравнений [1; 2; 3].

Современные классификации сравнений учитывают формальные параметры (структура, тип маркера, развёрнутость) и семантико-прагматические характеристики (источники образности, культурно-специфические коды, оценочность). Это позволяет выявить доминирующие модели сравнений в «Ёддоштҳо», их связь с народно-разговорной речью и функции в структуре повествования [5]. Историко-терминологические исследования риторических трактатов позволяют проследить эволюцию понятийного аппарата тропов [4], что важно для корректного использования терминологии при описании сравнительных конструкций.

Особое значение для данной работы имеет учёт специфики народно-разговорного слоя таджикского языка XX века, который активно внедряется в художественную ткань произведений Айни и во многом определяет характер его сравнительных образов. Исследования разговорной и народно-поэтической речи в таджикской литературе показывают, что именно через разговорную стихию в текст проникают устойчивые сравнения, фольклорные формулы и культурно маркированные образы, формирующие национально-специфическую образность. В этом контексте поэтика сравнения в «Ёддоштаҳо» может быть рассмотрена как точка пересечения индивидуально-авторской манеры Айни и коллективного речевого опыта, закреплённого в национальной традиции [4;5;6].

Таким образом, теоретическая опора на терминологические словари фигур речи, современные классификации сравнений и исследования разговорной стихии таджикской поэзии создаёт основу для комплексного анализа сравнений в «Ёддоштаҳо» Садриддина Айни. Целью статьи становится выявление структурно-семантических типов сравнений в романе, их функций в организации повествования и формировании художественного мира

произведения, а также определение роли сравнительных конструкций в индивидуальном стиле писателя [2;5].

Сравнение – излюбленный троп Садриддина Айни в «Воспоминаниях», и если метафора создаёт художественную условность, то сравнение сохраняет документальность мемуаров, одновременно обогащая текст образностью, причём Айни использует сравнения не для украшения, а для максимальной наглядности, делая абстрактное конкретным, а непонятное – знакомым читателю. Конструкция «монанди» (подобно, как) является самой частотной моделью у Айни, и развёрнутое сравнение людей с муравьями и саранчой создаёт картину массовой работы: «**Одамон монанди мӯру малах дар ҳаракат буданд: дар тарафҳои шимоли шарқии боғҳои ангур ва заминҳои кишти худ шоҳ мебастанд, токҳоеро, ки байд аз кушодан дубора дар зери рег монда буданд, дубора мекушоданд...**» [7, с. 24], где сравнение не ограничивается одним словом, а Айни разворачивает его в подробное описание действий, выделяя качества массовости, неустанности и организованности, тогда как контрастное сравнение создаёт комический эффект: «**Чунки бобоям бо ҳамаи он қалонсолӣ ва мӯйсафедӣ аз озори рӯю мӯй монанди бачагон воҳ-воҳ гӯён фарёд қашида буд ва дар ҷашмонаш об ҷарҳ мезад**» [7, с. 13], где старость и детский плач показывают универсальность боли. Романтизация образа Ҳабибы достигается через сказочную параллель: «**Ҳайкали он духтари парипайкари нозукандом ба назарам ба шакли як қаҳрамони афсонавӣ мӯҷассам мегардид**» [7, с. 68], а антропоморфизацией природы через человеческие эмоции создаёт контраст «до» и «после» бури: «**Боғчае, ки дирӯз бо шукуфа ва сабзаҳои нахези худ шодӣ бар шодии кас меафзуд, имрӯз монанди хонаи**

мотамзадагон андұховар ва ғамангез гардида буд» [7, с. 23], в то время как осуждение профессионализма исполнения у девушки выражено так: «**Дар ҳаққи Ҳабиба бошад, «сабук, сергап, созандақ барин ғазал меңонад, ба хушрүи худ ғарқа» – мегуфтанд»** [7, с. 60-61], где «созандақ барин» (как певицы, или чтеца газелей) несёт негативную коннотацию. Конструкция «чунон...ки» (так...что) выражает интенсивность через результат, когда впечатление вызывает физическую реакцию: **«Оқанги ҳазинонаи ү чунон таъсир кард, ки пуштам вачаррос задан гирифт»** [7, с. 69-70], или степень занятости измеряется через отсутствие обычной реакции: **«Падарам... чунон машғул буд, ки ҳатто аз ман «чиҳоро тамошо карді, то күчохо рафтій» гуфта напурсид»** [7, с. 23], или интенсивность пения приводит к слезам: **«Ҳабиба... он ғазалро чунон дилсұзона хонд, ки дар қашмони худаш об қарх зад»** [7, с. 61], или создаётся гиперболическое сравнение: **«Мұхой абрұвонаш чунон дароз буданд, ки қашмонашро пүшонда меистоданд»** [7, с. 14], или качество одежды привлекает внимание: **«Ин гуна либосхой тоза, хусусан курта-лозимии сафеди шаффофф на танқо маро хұрсанд карда буд, ҳатто диққати бачагони дигарро ҳам ба худаш қалб менамуд»** [7, с. 10-11]. Природные явления служат источником сравнений, и развернутая метафора песка как воды с противоположным эффектом объясняет катастрофу через знакомый образ разлившегося арыка: **«...рег монанди обе, ки аз роши құи пуроби саршор шорида фурояд, кам-кам меғуромад ва лангон-лангон бошад ҳам, охиста-охиста пеш мерафт ва навдахой пунбакбастай токро дар оғұши нарми худ мекашид»** [7, с. 24], тогда как домашнее пространство уподобляется дикой пустыне: **«Аммо рұи ҳавлій ва**

замини рӯидарича ба регзоре монанд гашта буд; дар реги рӯи ҳавлӣ ва замини боғча кафш то пошнааш меғӯтид» [7, с. 23], а эстетизация природы проявляется так: «**Дар рӯидаричаи мо зардолухои рӯидаричаи мо гул карда бо шукуфаҳои худ дар боғча зинати хубе дода буданд**» [7, с. 50], и образ изоляции и опасности создаётся через метафору: «**Хонаи бобоям монанди киштие дар байни дарёи рег монда буд**» [7, с. 24], а количественное сравнение выражает пропорцию 1:1000: «**Қувваи шамол чандин ҳазор бор зиёдтар аз пуфи туст, калонӣ ва чуқурии ғор ҳам аз кӯзai мо аз ҳад афзун зиёда аст**» [7, с. 39-40].

Животный мир даёт образы для характеристики через предельное оскорбление за эгоизм: «– **Ба ў гап назанед, ў аз мо нест, ў хук аст**» [7, с. 24], физиологическое сравнение эмоции с болезнью: «**Лабонаш монанди вараҷагирифтагон меларзиданд**» [7, с. 63], обозначение сверхъестественной силы и выносливости: «**Лутфулло-Гӯппонро аз дигар 9 нафар калонкаланд фарқ мекарданд ва «ин девкор аст» мегуфтанд**» [7, с. 46-47], где «девкор» (работа демона) – высшая форма похвалы, а разумное поведение собаки описывается детально: «**Хайбарро... дигар раветон, бо дастори маҳсус маро пеш кашид ва бо овози маҳсусе садо бароварда, маро сар дода, худ боз ба ҳамон чобукӣ ба пеши он чизе... рафта истод**» [7, с. 40], и повадки аистов показаны подробно: «**Лаклакҳо бар пештоқи дарвозаи мазор барои худ ошёна мебастанд ва аз дарёбод, аз миёни сусзорҳо морҳои обиро шикор карда оварда меҳӯрданд**» [7, с. 50]. Бытовые объекты объясняют сложное через простое, когда научное объяснение даётся через бытовой опыт: «**Дидӣ, ки ба як пуфи ту кӯза чӣ қадар ғуввос зад.**

Қувваи шамол чандин ҳазор бор зиёдтар аз шуғи туст, калонй ва чуқурии ғор ҳам аз күзай мо аз ҳад афзун зиёда аст» [7, с. 39-40], что является педагогикой отца через кувшин, а измерение через часть тела показывает народную метрологию: «**Як порча нони қоқ, ки баробари кафи дасти одам меомад**» [7, с. 64-65], и объяснение природного явления идёт через ирригацию, и реалии крестьянского быта перечисляются через инструменты: «**Падарам табар, дасттеша, дастарра ва дасткола (токбур)-ро тайёр кунад**» [7, с. 24], а народная оценка одежды выражена так: «**Курта-лозимии сафеди шаффофф**» [7, с. 10-11], где «шаффофф» (прозрачная) показывает качество ткани. Психологические состояния передаются через физические проявления в комплексном описании эмоции: «**Чашмонаш аз оташи ғазаб медурахшиданд, лабонаш монанди варачагирифтагон меларзиданд, пўстҳои рўй ва атрофи чашмонаш мепариданд**» [7, с. 63], где три признака гнева создают цельный образ, а оксюморон передаёт сложность эстетического переживания: «**Дар вақте ки ман он ғазалҳоро дубора меҳондам, ҳамон ҳолати Ҳабиба ба пеши чашмам омада маро ба як кайфияти маҳзунонаи гуворо меандоҳт**» [7, с. 69-70], где «маҳзунонаи гуворо» (грустно-приятное) передаёт амбивалентность, и последовательность трёх эмоций даётся с объяснением: «**Ман аввал тааҷҷуб кардам, баъд оташин шудам ва баъд аз он хандаам гирифт: тааҷҷуб кардам барои ин ки ман ба бадали хизмати хатбардории худ ин гуна «музд» мегирам гуфта ҳеч наандешида будам; оташин шудам – чунки он ҷазо тамоман ноҳақона буд: хандаам омад – чунки ў... худаш худашро ҳақорат карда буд**» [7, с. 64], а метафора наворачивающихся слёз

показана через круговое движение: «**Дар ҹашмонаш об ҹарх мезад**» [7, с. 13], и метафора неснимаемой тревоги выражена так: «**Падар бо ҳамон вазъияти андӯҳгинона... пешонааш қушода намешуд**» [7, с. 50-51]. Социальные типажи и ситуации получают характеристику через сравнения, когда героиня преодолевает препятствия как в сказке: «**Он духтари қаҳрамон дар шароити истибдоди феодалии асримиёнагӣ маъз бо саҳтиродагии худ ба ҳамаи монеаҳо пуштипо зада ба ҷонони худ расида буд. Аммо, ростӣ, «ҷонони» Ҳабиба ба ман мақбул нашуда буд, чунки ў ба замми саҳт ланг будан баднамо ҳам буд**» [7, с. 68], где реализм противопоставлен романтике, а социальный ритуал переносится на природу: «**Имрӯз монанди хонаи мотамзадагон андӯҳовар ва ғамангез гардида буд**» [7, с. 23], и критика общества идёт через иронию: «**Магар ду девонаро дар як ҳавлӣ намемонанд ва ҳол он ки дар деҳаи худамон ман даҳ ҳавлиро медонам, ки дар ҳар қадомаш ду-се девона ҳаст**» [7, с. 46-47], где социальная норма опровергается реальностью, а философское переосмысление долголетия даётся так: «**Маънии ҳазорсола шудани як одам он нест, ки ў дар зиндагии худ ҳазор солро аз сар гузаронад, балки маънии ин сухан ҳамин аст, ки ў ҳазор сола умр баробари як сола умри дигарон зиндагӣ карда бошад**» [7, с. 47], где важна не количество лет, а интенсивность жизни, и переход от конкретного образа к социальному типу показан здесь: «**Ҳабиба дар ин ёддошт, чунонки як номи реалий шуда даромад, дар айни замон ин духтар типи он духтаронест, ки ба муқобили истибдод ва шиканҷаҳои аз ҳад зиёди**

замони амирий исён ва қахрамонй нишон дода, бо дилдодагони худ мегурехтанд ва ба қозихонаҳо рафта бо овози баланд никоҳи худро талаб мекарданд» [7, с. 68].

Народно-разговорные элементы в сравнениях проявляются через фольклорные формулы (устойчивые народные сравнения трудолюбия, приёмы комизма, ритуалы траура, мифологические формулы сверхчеловеческих усилий, сказочная идеализация красоты), бытовые реалии (объяснения через бытовые предметы, измерения через части тела, ирригационные системы, крестьянский быт, народная оценка одежды), пословичные обороты (гиперболические проклятия, народная мудрость, цитаты из Хафиза, разговорное усиление упрёка), природные метафоры (слёзы как вода в глазах, огонь гнева, эмоция как болезнь, сердце горело, физиологические реакции), разговорную лексику (просторечные сравнения с животными, обозначения душевнобольных, осуждение певиц, дом как корабль в песке).

Количественный анализ: сравнения – ~60% всех тропов, эпитеты – ~25%, метафоры – ~10%, гиперболы – ~5%. По жанровым ситуациям: описания природы требуют сравнений и эпитетов, драматические эпизоды – гипербол и метафор, рефлексии – аллюзий и философских сравнений.

Айни извлекает сравнения из живой народной речи, создавая эффект документальности и этнографической достоверности. Художественные функции: наглядность (объяснение сложного через простое), социальная типизация (характеристика сословий), психологизм (внутренние состояния через физические проявления), документальность (бытовые сравнения воссоздают атмосферу эпохи), философская глубина (переход от конкретного к обобщению).

Простота сравнений Айни – для читателя, но не для автора: за каждым образом – точное наблюдение, за каждым сопоставлением – глубокое понимание человеческой природы. Айни создаёт сравнения из материала собственной жизни, потому они органичны, убедительны и запоминаются.

Список литературы

1. Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. Справочное издание. – М.: Изд-во «Энас», 2007 – 240 с.
2. Дьякова Т.А. Сравнение как образное средство поэзии Михаила Матусовского // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2022. Т. 8 (74). № 1 – С. 125-138.
3. Кузнецова Н.Н. Классификации сравнений // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. № 02 (82). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/klassifikatsii-sravnenij.html> (Дата обращения: 28.02.2022 г.)
4. Матвеев Е. М. Наименования тропов и фигур речи в русских риториках: М. В. Ломоносов и его предшественники. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. XVI(2): 565–581.
5. Нематова М. Х. Народно-разговорный язык в таджикской поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2010. – 151 с.
6. Рыжкова-Гришина, Л. В. Художественные средства. Изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи : словарь / Л. В. Рыжкова-Гришина, Е. Н. Гришина. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 337 с.

7. Энциклопедияи насри муосири тоҷик. С. Айнӣ. Ёддоштҳо (чаҳор қисм): иборат аз як қитоб. – Душанбе: Сарретаксияи илмии Энциклопедияи Миллии Тоҷик, 2009. – 680 саҳ.